

Pries L. Transnational Migration as a Chance for Spanning the North-South-Gap? // Quartal, 2005.

Sociology of space 18/11/2013 [Electronic resource]. – Mode of access: en.wikipedia.org/wiki/Sociology_of_space.

Thrift N. Space: The Fundamental Stuff of Human Geography // Key Concept in Geography / Hollaway Sarah L., Stephen P., Valentine Rice and Gill. – London : SAGE, 2003.

O. Pereveziy. The concept of «space» in the context analysis of the phenomenon of ethnic business.

The article deals with main concepts of space in works of sociologists and the representatives of other social sciences in context of function of ethnic business. The social space is seen as the most productive kind of space because of its possibilities to define the structuring of this phenomenon, the factors influencing its dynamics and to predict perspectives of its development. Such types of social space are in the question – regional, urban, border spaces. Their possibilities are estimated upon the classical works (G. Simmel, P. Bourdieu, P. Sorokin) and contemporary researchers (H. Berking, M. Loew, S. Litvinov, L. Pries).

Keywords: social space, regional space, urban space, border space, territorial/geographical location of ethnic business.

УДК 316. 25(476)(470+571)

Ришард Радзик

**РУССКИЙ КОНТЕКСТ ОБЩНОСТИ БЕЛОРУСОВ В
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПЕРИОДА
НЕЗАВИСИМОСТИ**

У представленому тексті розглядається питання змісту та діапазону спільноти білорусів, зокрема, їх зв'язків з російськістю (а також радянськістю). Основні роздуми присвячені періоду незалежності останніх двадцяти двох років. Джерельною базою дослідження є в основному соціологічні дослідження, які проводяться в Білорусі незалежними дослідницькими центрами. Вони вказують на те, що процеси, які відбуваються в Білорусі, мають дихотомічний характер. По-перше, після понад двадцяти років незалежності переважна більшість білорусів приймають білоруську державність, дедалі більше усвідомлюють свою окремішність, проте, сила цих віднесень невелика, в основному стосовно інших цінностей, особливо матеріальних, меншою мірою пов'язаних зі

свободою. По-друге, з часу розпаду Радянського Союзу чітко посилюються процеси мовної, а до певної міри також культурної русифікації суспільства (наприклад, російськомовна «попса», масова література, телебачення), яке дізнається про зовнішній світ в основному з російських ЗМІ (і російські, і білоруські ЗМІ показують Захід традиційно в поганому світлі). Білоруси досі не заїснували як повністю сформована нація західного типу, тобто так, як її розуміють у європейській традиції, у тому числі в науковому дискурсі. Майбутнє Білорусі стане витвором сучасної білоруської молоді, яка, у переважній більшості, російськомовна, аполітична, чітко зорієнтована на матеріальну сферу, а не на сферу цінностей, не хоче ангажуватися не лише в революційну, але і у виразну опозиційну діяльність. Вона орієнтована на саму себе, а не на боротьбу за ідеї, у тому числі, ідеї національні. Якщо вона і ставиться з дистанцією до Росії (хоч сама занурена в російську культуру), то лише з практичних причин, так само, як із меркантильних причин позирає в бік Заходу.

Ключові слова: білоруси, «триєдиний руський народ», національна ідентичність, політичні орієнтації.

В представленных тут рассуждениях будет рассмотрен вопрос некоторых содержательных сторон из области общности белорусов, особенно в их связи с русским фактором (Россией, отношением к наследию СССР, проявлениями советских черт). Сосредотачиваясь на периоде возникновения независимого белорусского государства, я буду ссылаться на социологические исследования последних двадцати двух лет.

Обретение формально полной независимости Беларусью в 1991 году, и, следовательно, ее полное отделение от России было неожиданностью для значительной части ее жителей, которые в своем большинстве – в отличие от народов трех прибалтийских республик – обычно не демонстрировали такого типа стремлений. На состоявшемся 17 марта 1991 года в Беларуси референдуме 83% жителей республики высказались за сохранение СССР [Migonowicz, 2007]. Согласно исследованиям, проведенным в том же году ВЦИОМ-ом (Всесоюзным центром изучения общественного мнения), только 24% этнических белорусов назвали себя гражданами БССР, а 69% идентифицировали себя, прежде всего, как граждане СССР, что было рекордом среди народов имеющих собственные республики (напр. в случае эстонцев эти величины составляли соответственно: 97% и 3%) [Новости, 2006, вып. 2, с. 68]. «Подавляющее большинство управленческой элиты,

значительная часть технической и творческой интеллигенции – пишет белорусский политолог и юрист Михаил Плиско – воспринимали руководящую роль Коммунистической партии и Советскую власть не как нечто чуждое Беларуси, не как модифицированное колониальное господство России, а как неотъемлемую часть её собственной истории. Приезжавшие сюда в немалом количестве отставники силовых структур не чувствовали на себе в отличие, например, от Литвы скрытое пренебрежение и неприязнь по национальному признаку со стороны коренного населения. Правящая номенклатура, сильно разбавленная после 1945 года мигрантами, не обладая опытом самостоятельного государственного управления в независимой стране, не представляла своего существования без указующего перста Москвы. «Советские» белорусы на просторах бывшего СССР были самыми советскими людьми, даже, пожалуй, более советскими, чем русские, и испытывали по этому поводу скрытую гордость» [Плиско, 2000].

В распадающемся СССР белорусы все еще сохраняли чувство повышения своего социального статуса, испытываемого как на личностном, так и общественном уровне. Будучи почти исключительно уроженцами местных деревень, а затем колхозов/совхозов белорусы воспринимали мир категориями семьи (узкого круга друзей) и материальных благ. Отсутствие традиционных элит, с их преемственностью существования высокой культуры в течение многих поколений, склонностью к созиданию мира идей, ценностей – их первенства по отношению к миру материи – было причиной принятия реалий вызывающих чувство материального недостатка и стабилизации. Это было несложно, принимая во внимание нищету довоенного периода и послевоенных лет, а также массовые убийства второй половины 1930-х годов, не говоря уже об огромных людских и материальных потерях в период II мировой войны. Жизнь впроголодь окончилась в 1950-х годах, и белорусы сумели это оценить. Они неплохо нашли себя в послесталинском СССР не благодаря господствующей идеологии, а получая гарантированные зарплаты, позволяющие им жить все лучше не только в городах, но и в колхозах [Engelking, 2012]. Элиты власти самого высокого уровня состояли из участников советского партизанского движения периода II мировой войны, например Петр Машеров – первый секретарь Коммунистической партии Беларуси в 1965 – 1980 годах, личность до сих пор чрезвычайно популярная в обществе. Почти полная ликвидация белорусскоязычных школ (чему способствовал Машеров, борясь также с

Церковью) в практически полностью русскоязычных городах (они остались в деревнях и частично в маленьких городках) не вызвала массовых протестов. Постепенное вхождение в русский культурный круг, посредством школы, высших учебных заведений, средств массовой информации, литературы привело к восприятию белорусами себя членами русского сообщества объединяющего их с русскими. Белорусское осознавалось как название, общепринятый этноним, по сути, только в XX веке в СССР, как этнографическая особенность, частично историческая и языковая (появившиеся якобы в результате отделения спустя века от России – преемницы Киевской Руси), республиканская автономия. Человек был одновременно и белорусом и русским, а этот последний термин имел двойное значение: он мог означать как общность трех восточнославянских народов, так и исключительно русских в его польском понимании. Последними белорусы себя не считали, хотя им и было присуще твердое осознание участия в создании империи, чем они гордились. Вместе с тем сами русские относились к ним (и так остается до сих пор) с определенным высокомерием характеризующим «старших братьев» взирающих свысока на региональных плебеев.

После распада СССР, белорусов отделяют от русских государственные границы и стоящие за ними интересы их повелителей, бюрократии. Этот тип интересов на этом пространстве воспринимается сильнее, чем в Западной Европе, нередко как доминирующий по отношению к гражданским и национальным обязанностям. Россия слегка выделяется тут традицией мышления категориями государства. В этом отношении рассматриваемое здесь пространство напоминает в значительно большей степени чем на Западе домодернистский (донациональный и догражданский) тип государства, основанный на предпочтении интересов власти/властителя, в определенной степени так, как это было раньше в Киевской Руси, достаточно однородной в культурном отношении, но раздробленной на борющиеся за власть княжества (что, кстати, в то время было характерно не только для русских земель). Большинство белорусов видит себя – это отчетливо видно также в выступлениях Лукашенко, и заимствовано из русской традиции – как нечто особое по отношению к Западу (в том числе полякам), в государственном и культурном смысле, но не по отношению к русским (за исключением отдельного государства и связанных с этим государственных интересов). Лукашенко хотел объединить Беларусь и Россию. На волне

провозглашения этих лозунгов его в 1994 году избрали президентом, но подразумевалось, что именно он станет во главе объединенного государства. Когда это оказалось невозможным, его целью стала власть в новом белорусском государстве, а, следовательно, и ее сохранение, словно в древнем русском княжестве. Интересы общества\государства\народа (?) чаще всего явно не определенные окончательно, понимаемые скорее эмоционально (кстати, как результат эмоционально воспринимаемых связей с русскими и всем русским), а не категориями «объективных интересов», т. е. холодного расчета – рассматриваются как второстепенные по отношению к интересам властителя\власти. Следствием этого является существование белорусского государства, укрепление его своеобразия (как на институциональном уровне, так и в сознании общества) в результате скорее привыкания к нему граждан, особенно самых молодых, навыка к жизни в формально независимом государстве, чем сильных, идеологически обусловленных, эмоционально понимаемых связей с ним и образующейся в его рамках общностью.

Описывая сознание белорусов, обращусь к репрезентативным социологическим исследованиям, проводимым, в частности, НИСЭПИ – Независимым институтом социально-экономических и политических исследований, организацией независимой от властей белорусского государства, формально зарегистрированной в Вильнюсе.¹ Согласно опросам за май–июнь 1996 года, 64,6% белорусов хотели бы, чтобы Беларусь была независимым государством, и одновременно 62,5% из них высказалось – в том же самом опросе – за объединение Беларуси и России в одном государстве [Новости, 1996, с. 11]. По крайней мере, часть белорусов замечала, таким образом, свою особенность в отношении внешнего мира, но, пожалуй, не относительно России. Из этих же опросов вытекает, что большинство белорусов не желали общей границы между их государством и Россией, но хотели бы общей валюты и общей тарифной сетки. В то же время решающее большинство высказывалось за отдельные: парламент, правительство, президента (наподобие традиции БССР) и армию (под влиянием войны в Чечне) [Новости, 1996, с. 12]. Белорусы хотели, таким

¹ Несмотря на то, что эти опросы проводятся в специфических условиях недемократического государства, они, тем не менее, заслуживают внимания, особенно если являются повторяемыми, показывая тенденции на протяжении длительного времени. Подробные анализы полученных результатов требуют учета белорусской специфики: культурной, политической, сознательной.

образом, получить от объединения с Россией экономические выгоды, желая одновременно сохранить свою республиканскую обособленность, понимаемую как продолжение той, существовавшей до 1991 года, и не испытывать последствий ведущихся Россией войн, помня о погибших в Афганистане соотечественниках. Похожие подробные исследования, проведенные в 2002 году, показали укрепление чувства государственного своеобразия [Новости, 2002, с. 27].

Белорусские социологические центры в течение ряда лет проводят опросы дающие представление об отношении общества к различным аспектам связей Беларуси с Россией (белорусов с россиянами). Более десятка лет задаётся вопрос: «Если бы сегодня происходил референдум об объединении Беларуси и России, как бы Вы проголосовали?». Так вот, если в ноябре 1999 года 47,0% белорусов выступало за объединение, а 34,1% против, то в июне 2013 уже только 31,2% было за, а 46,5% против объединения [Новости, VI 2013, с. 25 (табл. 42)]. На вопрос «Если бы пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Евросоюз, что бы Вы выбрали?», белорусы отвечали в сентябре 2003 года: за объединение с Россией 47,6%, за вступление в ЕС – 36,1% [Новости, 2008, с. 19 (табл. 32)]; в июне 2013 за Россию – 40,8%, за ЕС – 41,0% [Новости, VI 2013, с. 25 (табл. 43)]. А на вопрос о возможном референдуме и о желании вступления в ЕС (без указания российской альтернативы), ответили в декабре 2002 года: за – 60,9%, против – 10,9%, в июне 2013: за – 37,7%, против – 38,1% [Новости, VI 2013, с. 25 (табл. 43)]. Таким образом, белорусы в случае необходимости выбора предпочитают скорее – главным образом по экономическим соображениям – ЕС, но охотнее всего не вступали бы ни в ЕС, ни объединялись бы с Россией. Важно подчеркнуть, более подробные результаты опросов за июнь 2013 года, касающиеся выбора между объединением с Россией или ЕС, указывают на то, что в пользу России высказываются чаще люди пожилые и малообразованные, пенсионеры, а в пользу ЕС более молодые и хорошо образованные. Территориальная раскладка исследуемых мнений указывает на то, что деление на восточную и западную часть страны не такое отчетливое как на Украине, а в случае некоторых переменных оказывается и вовсе неуловимым. За объединение с Россией чаще всего высказывались жители Гродненской области и столицы страны, а за вступление в ЕС – Витебской и Минской (без Минска) областей [Новости, VI 2013, с. 42 (табл. 43)].

В течение ряда лет белорусы, которым задавался вопрос, чувствуют ли они себя больше европейцами, или советскими людьми, выбирали последний вариант. Только в опросах за июнь 2012 года европейцами считало себя относительное большинство – 47,2% опрошенных, а советскими людьми – 45,6% [Новости, 2012, с. 23 (табл. 44)]. В этом же опросе более близкими к русским признало себя 68,2% респондентов, а более близкими к европейцам – 31,2%, причем в случае этого типа опроса разница между обеими процентными величинами систематически уменьшалась за последние пару лет. Более близкими к русским считали себя – по сравнению с европейским выбором – пожилые люди, малообразованные, пенсионеры и жители Брестской области (где живет много семей бывших военных переселившихся из центральных районов СССР). Чаще всего на свою близость к европейцам указывали жители Минска (48,5%, русским – 51,5%) [Новости, 2012, с. 45-46 (табл. 44)]². В 2013 году впервые был задан вопрос: «Как Вы считаете, по своему национальному характеру, культуре, традициям белорусский народ ближе к» (%): русским (ответы: VI 1993 – 50,8; VI 2013 – 46,9), полякам (соответственно: 14,4 и 10,3), украинцам (8,9 и 5,3), западноевропейцам (1,1 и 3,4), литовцам (0,9 и 1,5), белорусы ни на кого не похожи (14,6 и 28,8), ЗОНО (9,3 и 4,0) [Новости, VI 2013, с. 16 (табл. 25)]. Думаю, что в этих опросах следует обратить внимание, прежде всего, на две величины: почти двукратное увеличение категории «Белорусы ни на кого не похожи», свидетельствующей об углублении чувства их обособленности, и на почти полное отсутствие чувства похожести на жителей Западной Европы (увеличение в границах статистической погрешности). Значительная часть белорусов по-прежнему испытывают сильное чувство близости к русским. Правда, семь лет назад 65,7% респондентов считали, что белорусы, русские и украинцы это «три ответвления одного народа», и подтвердили слова Путина утверждающего, что русские и белорусы образуют «один народ»

² Следовательно, жители Минска достаточно охотно указывают на свою близость к европейцам и одновременно лидируют в желании объединиться с Россией, что вероятно является, среди прочего, свидетельством их значительной поляризации (а также особенно сильной ориентации на российские средства массовой информации; быть богатым, свободным «европейцем» погруженным в русскую культуру и – известные из телевидения – реалии Москвы и Петербурга - это мечта части белорусской интеллигенции, так наз. либеральной, которая нередко избирает их своим идеалом и больше знает, что происходит в России, чем в белорусской провинции).

[Новости, 2006, вып. 3, с. 57-58 (табл. 24, 25)]³, однако результаты исследований проведенных вначале 2010 года Независимым институтом стратегических исследований (BISS) совместно с Лабораторией Новак свидетельствуют о том, что черты, которые они себе приписывают с очевидностью отличают их от русских.

«Что касается отрицательных качеств – пишут авторы исследования – то показательно восприятие белорусами россиян: более половины опрошенных белорусов назвали лень в качестве основной черты характера русских (...), почти треть – необязательность, пятая часть – национализм и зависть. В целом белорусы «обнаруживали» почти каждое из отрицательных качеств у россиян в 2–5 раз чаще, чем у самих себя. Что касается европейцев, то им, по мнению белорусов, из отрицательных качеств наиболее присущи жадность, национализм и зависть» [Беларусь, 2010, с. 4].⁴ Какие же черты, если рассмотреть подробнее, отличают белорусов от русских? На трудолюбие белорусов указали 73,1% опрошенных, в то время как русским эту черту приписали только 27,9% белорусских респондентов; толерантность – соответственно – 51,4% и 13,4%; скромность – 54,4% и 14,4%; доброту – 81,7% и 47,7%; аккуратность – 45% и 16,6%; также белорусское гостеприимство было оценено выше, чем русское – 82,8% и 56,2% [Беларусь, 2010, с. 4]. Белорусов характеризует, по мнению опрошенных, меньшая степень расовой нетерпимости (1,7% против 14,9% приписанной русским), национализма (9,6% против 20,6%), необязательности (14,4% до 28,6%), лени (16,7% против 51,3%), зависти (10,8% против 19,7%), жадности (стяжательства) – 5,7% против 16,2%, но зато большая степень инертности (24,6% против 17,7%) [Беларусь, 2010, с. 5]. «Подводя итог, можно сказать – отмечают белорусские исследователи – что в белорусском массовом сознании сложился образ белорусов как «людей со знаком качества»⁵ в противоположность как европейцам («трудолюбивым жмотам»), так и россиянам („духовным лентяям»). Заметим, что если белорусы однозначно признают превосходство европейцев в некоторых морально-личностных

³ В опросах НИСЭПИ проводимых в очередной раз в марте 2011 г. касающихся социальных дистанций между народами, а также аналогичных проводимых регулярно на Украине по шкале Богардуса, наименьшие дистанции были отмечены между русскими, белорусами и украинцами. За ними следуют поляки [Новости, 2011, с. 26-27 (табл. 44, 45)].

⁴ (опрос проведен на репрезентативной выборке 1071 человек).

⁵ Это обращение к известному утверждению президента Лукашенко, который констатировал, что «Белорусы – это те же русские, только со знаком качества!» [Федута, 2005, с. 604].

аспектах (прежде всего связанных с трудовой этикой), то россияне для белорусов абсолютные аутсайдеры практически во всех категориях. Несмотря на ощущаемую «духовную близость» белорусов и россиян, в отношении последних в массовом сознании белорусов сложился устойчивый образ «другого», к которому вполне успешно апеллирует официальная пропаганда во времена кризисных отношений с Москвой» [Беларусь, 2010, с. 5].

Социологические исследования, белорусская публицистика, высказывания политиков и «простых белорусов» обнаруживают двойственное отношение к русским. С одной стороны чувствуются остаточные проявления менталитета «младшего брата», для которого на самом деле «настоящая столица» была в Москве, а по настоящему «великая культура и литература» это русская культура и литература. Российское государство веками было империей в позитивном понимании этого понятия (хотя и не всегда термина), поэтому на помощь и опеку России Беларусь как небольшое государство без доступа к морю и полезных ископаемых рассчитывало, может и должно рассчитывать. С другой стороны вырисовывается образ своего превосходства в отношении «человеческих» черт, наблюдаемых повседневно в поведении представителей обоих обществ, проявляющихся в их особенностях, а не силе и размерах построенных ими государств (и созданной высокой культуры). Конечно, не только социологам известно, что явное отличие от других, даже если оно осознанно и носит стереотипный характер, не означает, что эти отличия являются свидетельством однозначно национальных различий. Правда, белорусы в значительной своей части (меньшей, однако, чем когда-то) считают себя «русскими», но толкование, что они являются русскими в польском понимании этого термина и понятия (*Rosjanie*) неверно, поскольку речь здесь идет о сообществе («русских») состоящей из трех меньших общностей.

Дискуссионным остается вопрос, формируется ли и в какой степени сегодня в Беларуси политическая нация. Чтобы возник такой тип народа, чаще всего необходима была традиция существования государства, с его институтами, героями, свободами, которые оно приносило народу. Государства, которое гарантирует приемлемый уровень зажиточности. Большинство этих условий не выполнено. Поддержка сегодняшних властей обусловлена, в подавляющей степени, их способностью удовлетворять экономические запросы общества. Согласно опросу за март 2013 года, на

вопрос «Скажите, что более важно – улучшение экономического положения Беларуси или независимость страны?» белорусы ответили: улучшение экономического положения – 65,2%, независимость – 29,3% (ЗО\НО – 5,5%) [Новости, III 2013, с. 32]. В этом смысле ситуация не изменилась с 2003 года и указывает на слабое развитие процесса формирования белорусского народа [Вілейта, 2005].⁶ Более того, процент высказывающихся за независимость страны рос вместе с возрастом респондентов: он был наивысшим среди наиболее пожилых и самым низким среди наиболее молодых. Одновременно он был обратно пропорционален образованию (больше всего сторонников независимости было среди респондентов с начальным образованием, а менее всего с высшим) [Вілейта, 2005]. Следовательно, молодежь, несмотря на привычность жизни в формально независимом белорусском государстве (и согласия на это, если альтернативой является необусловленное иной выгодой его отсутствие) часто индифферентна в национальном отношении, нередко более чем независимость, ценя материальные блага, но в определенной степени и западные свободы, что объясняет ее поддержку вступления Беларуси в ЕС. В то же время в новейшем опросе за июнь 2013 года (в сопоставлении с идентичным опросом за июнь 1993) на вопрос: «Как Вы считаете, насколько развито национальное самосознание у белорусов?» были даны ответы: очень сильно развито (1993 – 0,7%; 2013 – 2,9%), сильно (4,5 и 18,3), средне (48,0 и 37,5), слабо (31,6 и 26,2) и очень слабо (10,0 и 11,7) – ЗО\НО (5,2 и 3,4). Причем, в пользу более сильного самосознания высказывались пожилые люди, питающие доверие к Лукашенко [Новости, VI 2013, с. 15 (табл. 24)]. В настоящее время воззрения белорусов настолько неоднозначны, а иногда и несвязны, что прогнозирование на их основе будущего страны представляется весьма рискованным.

Многие опросы последних лет указывают на то, что в белорусском обществе нарастают, может не столько изоляционистские настроения, сколько тенденции к усилению своей роли как субъекта, и, во всяком случае, к подчеркиванию своей особенности. Среди сторонников Лукашенко большинство высказывается за «собственный, отдельный путь развития» (хотя в более длительной временной перспективе во всем обществе наблюдается тенденция к снижению числа сторонников самостоятельного

⁶ В. Вилейта анализируя результаты опросов НИСЭПИ до 2004 г. указывает на важные изменения взглядов, происходящие в белорусском обществе, касающиеся экономики, демократии, но в то же время пишет: «Несмотря на эти тенденции, число национально-ориентированного населения практически не меняется».

пути) [Radzik, 2012, s. 210]. Этому сопутствуют взгляды, которые иногда принимают – по-моему, ошибочно – за проявление уже отчетливо сформировавшегося национального патриотизма, а значит продвинутого процесса формирования народа – на уровне фазы «С» Гроха [Hroch, 1985, p. 23]. Характерными являются слова Лукашенко, произнесенные в 2003 году: «Многие процессы позволяют говорить о том, что Россия сегодня перестает быть, к сожалению, духовным и культурным оплотом восточно-евразийской цивилизации» [Лукашенко, 2003, с. 19; цит. по: Usau, 2007, s. 46]. В какой-то степени это предполагаемое наследие русских пытается принять Лукашенко, его постсоветская команда и электорат. Таким образом, мы имеем здесь дело скорее с белорусским постсоветским патриотизмом, чем национальным в его западном понимании. Это патриотизм пожилых людей, малообразованных, с багажом опыта советской БССР, иногда участия в Великой Отечественной войне или значительно чаще укоренившимся в них ее культе; белорусский советско-региональный патриотизм, сильно дистанцирующийся от Запада, и особенно от НАТО. Патриотизм людей особенно населяющих восток страны, русскоязычных сторонников Лукашенко провозглашающего тезис, что теперь именно белорусы это «русские» со знаком качества, поскольку российские политические элиты иногда враждебны Беларуси. Как и участники либерального выбора, они в большинстве своем считают себя частью «русского мира», что решительно отвергают элиты национального выбора западнического типа (составляющие в белорусском обществе явное меньшинство с отчетливой прозападной ориентацией) [Manajew, 2012, s. 42-44]. Что же касается молодежи, то она больше похожа на молодое поколение поляков, а вот людей старшего поколения разделяет в обоих государствах гораздо более широкая ментальная пропасть.

Кратко представляя некоторые выбранные соотношения, касающиеся связей белорусов с русскими, их можно свести к следующему:

1. Происходящие в Беларуси процессы имеют характер дихотомии. Во-первых, после более двадцати лет независимости белорусы в подавляющем своем большинстве одобряют белорусскую государственность. Они во все большей степени замечают свое своеобразие, хотя выраженность этих отношений невелика, особенно относительно других ценностей, в особенности материальных, в меньшей степени связанных со свободами. Главной – хотя и не единственной – причиной этой ситуации является

привыкание к новым реалиям, особенно молодого поколения рожденного уже в Республике Беларусь, при доминировании позиций трактующих государство с точки зрения социальных, а не национальных категорий. Сегодня в Беларуси преобладает (с 2008 года) мнение, что не следует объединяться с Россией, из года в год возрастает отрицательное отношение к вступлению в ЕС: с 2004 года периодически противники вступления преобладают над сторонниками. Одновременно белорусы в очень значительной своей части являются сторонниками собственного, отличного от советского и европейского, пути развития.

2. Во-вторых, со времени распада СССР явно усилились процессы языковой русификации общества, в определенной степени и культурной (например русскоязычная попса, массовая литература, ТВ). О внешнем мире белорусы узнают главным образом из российских средств массовой информации (как российские, так и белорусские традиционно представляют Запад в невыгодном свете). Беларусь подчинена России в военном отношении и во все большей степени в экономическом.⁷ Несмотря на то, что чувство общности с русскими слабее, чем когда-то (напр. по типу тезиса: *триединый русский народ*), культурная близость с восточным соседом доминирует (в том числе замыкание в «русском мире», и даже – как хотят русские – «русской цивилизации»), особенно над чувством близости и симпатией к Западу. Можно сказать, что белорусы мыслят категорией: *ex oriente lux, ex occidente luxus*. Отстраненность от России носит в значительной степени политический характер и его важной причиной являются конфликты между властями\властителями обоих государств.

3. В-третьих, не думаю, что бы в белорусском случае мы имели дело с уже полностью сформировавшимся народом, так как он понимается в европейской традиции, в том числе и в научной дискуссии. Наталия Лещенко, белорусский политолог, утверждала до президентских выборов декабря 2010 года: «Отсутствие национальной идентичности в Белоруссии болезненно и ошутимо почти физически» [Лещенко].⁸ Тем не менее, то, что можно определить как возникновение современной политической «тутэйшасці»*, несомненно, по-прежнему советского типа, скорее

⁷ В том числе в рамках Евразийского союза объединяющего Россию, Беларусь и Казахстан, а также Союза Беларуси и России.

⁸ автор работает в лондонском Institute for State Ideologies; теж: [Ioffe, 2012, s. 57].

* «Тутэйшасць» – понятие производное от белорусского слова: *тутэйшы* (здешний, местный).

неидеального (немного архаичного), быть может, с перспективы более продолжительного времени будет признано составной частью процесса формирования белорусского народа – со всей своей русско-постсоветской спецификой – поскольку включает в себе элементы политического выделения белорусов из русско-православной общности. Тем более, что в Беларуси существуют активные национальные центры, хотя они весьма далеки от господствующего положения. Самоидентификация белорусов имеет ярко выраженный негативный характер. В значительно большей степени они знают, кем не являются (особенно относительно Запада), чем кем они есть, что их выделяет и объединяет, хотя и сформировался уже – весьма позитивный – стереотип белоруса (что не означает, что он оброс национальными контекстами и эмоциями) и скорее негативный русского [Marples, 2007, s. 174]. «Любая концепция, связанная с Беларусью и белорусами – отмечает Г. Иоффе – более подробна в том месте, где подчеркивается, кем белорусы являются или не являются относительно чего-то, что находится вне Беларуси (Россия или Европа), в том же месте, где она констатирует, кем они являются сами по себе, любая концепция туманна и неопределенна» [Ioffe, 2012, s. 101]. Валянцин Акудович, известный белорусский интеллектуал, утверждает: «пока мы не разорвем пуповину с Россией, и именно с Россией, прежде всего и только с Россией, до тех пор мы действительно не будем полноценной нацией» [Акудович, 2010; цит. по: Ioffe, 2012, s. 57]. По иному видит это Нелли Бекус считающая, что поскольку Россия находится как бы «внутри» Беларуси, то «любые партии и политические движения, которые предлагают антироссийскую геополитическую стратегию для Беларуси, воспринимаются как «чужие» и «стратегию эту оценивают как навязанную Западом». Поэтому формирование белорусского народа в оппозиции по отношению к России и русским «не до конца правильно» [Bekus, 2012, s. 337; Bekus, 2010]. Именно эти обусловленности ограничивают появление белорусского процесса формирования нации. Согласиться с этим значит одобрить процесс возможной эмансипации белорусов не путем умножения механизмов развития европейских народов, а формирования иного типа общности, чем уже существующие в Центральной и Восточной Европе. Следует осознавать, что быть народом это значит не только чувствовать дистанцию по отношению к другим (она присуща и племенным сообществам), но обладать комплексом черт (ценностей и убеждений) воспринимаемых очень

эмоционально и структурирующих общество изнутри. Это как комплекс определенных сущностей, сила создаваемой общности, так и выразительность размышления о принадлежности к ней.

4. В-четвертых, будущее Беларуси будет творением сегодняшней молодежи, которая в подавляющем большинстве русскоязычная, аполитичная, решительно ориентированная на сферу материи, а не ценностей, она не хочет участвовать не только в революции, но и в открыто оппозиционной деятельности. Она обращена в себя, а не настроена на борьбу за идеалы и идеи, в том числе идеи национальные. Если ей и присуща дистанция по отношению к России (хотя она и погружена в русскую культуру), то по причинам практического свойства, подобным тем, по которым из меркантильных соображений она взирает на Запад. И хотя она все больше напоминает молодежь стран ЕС, разница заключается в том, что в ее случае элементы постмодернистских взглядов накладываются на постсоветскую компоненту. А также в том, что в Европе процессы формирования наций (за исключением небольших общностей) в большинстве своем уже давно завершены, у государств есть свои традиции, у сообществ – истории, демократия намного сильнее укоренилась, чем к востоку от ЕС, а гражданские общества, как правило, более сформировавшиеся. Если белорусы этого «не проработают», вероятно, встанет вопрос о форме их появления в Европе.

Д ж е р е л а

Акудович В. Когда белорусы станут нацией? // *Белорусский партизан*, 7 сентября 2010г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/bp-forfe/?page=100&backPage=13&news=67138&newsPage=0>. дата доступа 20/08/2013.

Беларусь и мир: геополитический выбор и безопасность сквозь призму экономики и культуры. BISS. SA#01/2010RU. 1 июня 2010.

Вілейта В. Беларусь у працэсе станаўлення дзяржаўнай тоеснасці: чыннікі, тэндэнцыі і перспектывы // *Wider Europe Review*. Лето 2005, Т.2., №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://review.w-europe.org/5/3.html> дата доступа 4 VIII 2013.

Леценко Н. Белорусам нужна нация // *Полит.ру* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/12/17/belarus/> дата доступа 10 VIII 2013.

Лукашенко А.Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию // *Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов.* – Минск : 2003.

Новости НИСЭПИ. Выпуск 1. VIII 1996; Выпуск 2. VI 2002; Выпуск 2. 2006; Выпуск 3. IX 2006; Выпуск 2. VI 2008; Выпуск 1. III 2011; Выпуск 2. VI 2012; Выпуск 1. III 2013; Выпуск 2. VI 2013.

Плиско М. Партогенез в современной Беларуси // Адкрытае грамадства. Інфармацыйна-аналітычны бюлетэнь. – 2000. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.data.minsk.by/opensociety/2.00/4.html> дата доступа 5 VIII 2013.

Федута А. Лукашенко. Политическая биография. – Москва : 2005.

Bekus N. Naród białoruski jako idea i kategoria praktyki społecznej. Paradoksy rozwoju postkomunistycznego // Tożsamości zbiorowe Białorusinów / R. Radzik. – Lublin : 2012.

Bekus N. Struggle over Identity. The Official and the Alternative // Belarusianness. – Budapest-New York : 2010.

Engelking A. Kołchoźnicy. Antropologiczne studium tożsamości wsi białoruskiej przełomu XX i XXI wieku. – Toruń : 2012.

Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. – Cambridge University Press: 1985.

Ioffe G. Długotrwałe poszukiwanie białoruskiej tożsamości // Tożsamości zbiorowe Białorusinów / R. Radzik. – Lublin : 2012.

Manajew O., Drakochrust J. Właściwości współczesnej tożsamości białoruskiej // Tożsamości zbiorowe Białorusinów. – Lublin : 2012.

Marples D.R. Czy na Białorusi są Białorusini? // Społeczeństwo białoruskie '2007. – Warszawa-Mińsk : 2007.

Mironowicz E. Białoruś. – Warszawa : 2007.

Radzik R. Białorusini – między Wschodem a Zachodem. – Lublin : 2012.

Usau P. Związek Radziecki w granicach odrębnego państwa. «Ideologia państwa białoruskiego» – mechanizmy jej propagowania i narzucania społeczeństwu // Społeczeństwo białoruskie '2007. – Warszawa-Mińsk : 2007.

Ryszard Radzik. Russian context of Belarusian collective identity in sociological surveys since independence.

The article discusses the question of selected distinctive features of Belarusian collective identity, especially their connections with Russian, and also Soviet, patterns. Focusing on the period of Belarusian independence of the last twenty-two years, the text draws mainly on sociological research conducted in Belarus by independent research centres. As indicated, processes currently developing in the country are characterised by an underlying dichotomy. Firstly, over two decades after independence, the vast majority of Belarusians accept their own statehood and are increasingly aware of their distinctiveness. However, the intensity of these convictions is relatively low, especially in relation to other values, especially material, and, to a limited extent, liberal ones. Secondly, since the fall of the Soviet Union the process of linguistic Russification has clearly intensified. To some extent, this is also the case of cultural Russification, as can be seen from the popularity of Russian-language pop music (popsa), popular literature and television. Belarusian society has access to information about the outside world

mainly from the Russian media, and both Russian and Belarusian sources traditionally present an unfavourable picture of the West. In terms of European tradition, including academic discourse, Belarusians have not yet emerged as a fully developed nation of the occidental type. The future of the country will be forged by the younger generation, which is predominantly Russian-speaking, apolitical and firmly oriented towards material values. The vast majority of young people do not want to engage in political opposition, not to mention a revolution. They are self-oriented, uninterested in fighting for ideals, national ones included. If they distance themselves from Russia (even though they are immersed in Russian culture), it is for pragmatic reasons. Likewise, turning towards the West stems from mercantile considerations.

Keywords: *Belarusians, «the threefold Russian nation», national identity, political orientations.*

УДК 316.614.034

Н. Е. Сергієнко

СОЦІАЛІЗАЦІЯ В ІНТЕРНЕТ-СЕРЕДОВИЩІ

У даній статті проводиться описовий аналіз основних і найпопулярніших вітчизняних підходів розуміння соціалізації в Інтернет-просторі.

Ключові слова: *соціалізація, Інтернет-середовище, кіберсоціалізація, кіберпростір, віртуальність, третинна соціалізація.*

Постановка проблеми. Сучасне суспільство живе у час високих технологій, які виводять нас на абсолютно новий рівень розвитку. Тепер обмін інформацією, спілкування, побудова відносин, пошук роботи і сама робота, відпочинок, а також соціальний розвиток не просто переходять з реального світу у світ віртуальний, але й тісно пов'язані між собою, що дозволяє нам жити у двох світах одночасно.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. На даний момент специфіка соціалізації і спілкування в Інтернет-середовищі розглядалася в роботах таких дослідників, як Є. П. Белінська, Е. Блохіна, С. В. Бондаренко, І. А. Васильєва, А. Є. Войскунській, Є. І. Горошко, А. Є. Жічкіна, М. Іванов, Л. Ю. Іванов, Т. Келер, А. В. Мінаков, А. В. Мудрик, І. Паравозов, В. А. Плешаков, В. В. Нестеров, М. Ю. Сидорова, Ф. О. Смирнов, Дж. Сулер,